

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

Научная статья

Руанда – Бурунди: политический диалог как способ достижения соглашения

О. Ндайсаба

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется проблема, связанная с ухудшением отношений между Руандой и Бурунди, что в большей степени обусловлено вмешательством Руанды во внутренние дела Бурунди. Особое внимание уделяется роли политического диалога в поиске соглашения между двумя государствами. Отношения еще больше ухудшились после того, как режим Бужумбуры обвинил Руанду в причастности к дестабилизации режима Бужумбуры в результате попытки поддержать и вооружить бурундийских беженцев, вынужденных покинуть страну после неудачного переворота 13 мая 2015 г., совершенного против президента Бурунди Пьера Нкурунзизы. Руанда также обвиняет Бурунди в поддержке Демократических сил освобождения Руанды (ДСОР). Данный дипломатический кризис требует региональных усилий, чтобы обе страны сели за стол переговоров. Таким образом, роль региональных организаций, особенно Восточноафриканского сообщества (ВАС), становится более значительной, поскольку призывает стороны к диалогу, принимая во внимание, что нынешняя дипломатия требует многосторонности в отношении обсуждения и решения проблемы. Политический диалог поможет снять напряженность и исправить ситуацию. Тем не менее исторические, культурные и языковые сближения являются основными предпосылками, позволяющими обеим странам одуматься и мирно сосуществовать. Текущая ситуация между Бурунди и Руандой является бомбой замедленного действия, которая представляет собой угрозу безопасности, политической и социально-экономической стабильности всего региона Великих озер Африки (РВО). Для этого региональные сообщества должны убедиться, что государства-члены уважают принцип добрососедства и мирного сосуществования, необходимого для предотвращения риска любого конфликта и обеспечения геополитической стабильности.

Ключевые слова: Бурунди, Руанда, Пьер Нкурунзиза, Поль Кагаме, политический диалог, соглашение, добрососедские отношения, мирное сосуществование

Введение

В настоящее время отношения между Бурунди и Руандой резко ухудшились, находясь на грани провоцирования вооруженного конфликта. С конца XIX в. Бурунди и Руанда никогда не сталкивались с такими напряженными

© Ндайсаба О., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

отношениями. Обе стороны обвиняют друг друга в поддержке повстанческих групп, чьи операции направлены против режимов, действующих в обеих странах [1]. Несмотря на эту ситуацию, Бурунди и Руанда считаются «странами-близнецами» в соответствии с их культурным, этническим, языковым и историческим сходством. Отношения ухудшаются, и на данный момент, хотя с 2005 г., с момента окончания гражданской войны в Бурунди и прихода к власти президента Пьера Нкурунзизы, соседство между двумя странами было безупречным. Ситуация начала обостряться уже в 2012 г., когда Кигали обвинил Бужумбуру в укрытии руандийских солдат ДСОР (Демократических сил освобождения Руанды), чей режим Кагаме считает виновником геноцида 1994 г. Более того, неопознанные трупы, обнаруженные в октябре 2014 г. в озере Рверу, усилили напряженность между Кигали и Бужумбурой. Отношения еще больше ухудшились в апреле 2015 г., когда президент Нкурунзиза объявил о своем намерении остаться на третий срок, который некоторые акторы считают неконституционным. Многие акторы политической жизни Бурунди – члены президентской партии, правительственные службы, активисты гражданского общества или представители церкви – выступили против того, чтобы ограничить стремления Нкурунзизы снова управлять государством. Международное сообщество также выразило беспокойство по поводу избирательного процесса, подорванного дискуссией о третьем сроке, и впоследствии некоторые страны вышли из наблюдательного процесса, приостановив сотрудничество с Бурунди. Только Китай и Россия, внешняя политика которых основана на уважении принципа государственного суверенитета, оказывали положительное влияние на развитие продолжающегося политического процесса [2. С. 20].

Однако в связи с выдвижением кандидатуры Пьера Нкурунзизы на выборах 2015 года последовали протесты. Президент Руанды, не колеблясь, выступил на стороне протестующих, решительно осудив незаконность действий Пьера Нкурунзизы. 13 мая 2015 г., в то время как президент Бурунди принимал участие в саммите глав государств Восточноафриканского сообщества (ВАС) в Дар-эс-Саламе (Танзания), генерал Годфройд Нийомбаре объявил о перевороте на частном радио «Исанганиро». Попытка свергнуть режим Нкурунзизы потерпела неудачу, путчисты и протестующие, опасаясь репрессий, бежали в Руанду, что еще больше усилило обеспокоенность правительства Бурунди в отношении участия Руанды в дестабилизации государственного режима.

Обвинения президента Бурунди против Руанды

В письме от 4 декабря 2018 г. к главе государства Уганды, являвшегося на тот момент и председателем Восточноафриканского сообщества Йовери Кагута Мусевени, Пьер Нкурунзиза утверждал, что Руанда участвовала в дестабилизации его режима и, как следствие, предоставила убежище путчистам 15 мая 2015 г. В этой переписке Президент Бурунди также указывал на

то, что сотни людей погибли на севере страны и что руандийские военные самолеты бороздили пространство Бурунди без разрешения. Кроме того, в письме упоминалось, что Пьер Нкурунзиза больше не считает Руанду партнером, а относит ее к врагам, предупреждая о том, что Руанда нарушает законы и конвенции ВАС и Африканского союза, стремясь дестабилизировать безопасность Бурунди. Более того, по мнению президента Бурунди, Руанда организовала военную подготовку для бурундийских беженцев, проживающих в лагере беженцев Махама в восточной Руанде. Эти обвинения президента Бурунди совпадают с конфиденциальным отчетом экспертов ООН, в соответствии с которым Руанда начала набирать и обучать бурундийских беженцев с целью свержения президента Бурунди. Эксперты ООН заявили об этом после консультаций с 18 бурундийскими беженцами, которые указали, что набор действительно происходил в лагере Махама в мае и июне 2015 г. Также стало известно, что в течение двух месяцев они проходили военную подготовку у инструкторов, среди которых были и руандийские солдаты. Согласно этому отчету, «обучение включало военную тактику, а также использование и техническое обслуживание штурмовых винтовок и пулеметов, в том числе сеансы идеологического воспитания». Эксперты также опросили шесть руандийских и конголезских граждан, обвиняемых в контрабанде оружия на границе двух стран в октябре и ноябре 2015 г. Некоторые из них утверждали о том, что оружие было предназначено для поддержки вооруженной группы в Бурунди [3]. Но Руанда, со своей стороны, отвергла обвинения Бурунди, указывая, что вместо того, чтобы находить решение внутренних конфликтов, режим Бужумбуры стремится привлечь соседей.

Следует отметить, что даже если Руанда выступает против какого-либо вмешательства во внутренние дела Бурунди, она все равно провозглашается угрозой стабильности в регионе. Специалист по конституционному праву Кении профессор Яш Пал Ге полагает, что «режим Кагаме должен ответить за политическую и экономическую дестабилизацию в РВО. С выгодой для себя он создал систему добычи полезных ископаемых в ДРК, что позволяет ему поддерживать пальму первенства в регионе» [4. С. 204]. В связи с попыткой Руанды дестабилизировать Бурунди политический аналитик Эндрю Корыбко отмечает, что Кагаме активно манипулирует ситуацией, чтобы создать потоки беженцев, необходимые ему для своих планов. По мнению автора, президент Руанды пытался найти способ привлечь желаемых «новобранцев» в Руанду, используя массовую информационную войну, которая ведется против бурундийского народа. Еще один предпринятый Кагаме шаг – создать разногласия между хуту и тутси в армии в надежде спровоцировать большее дезертирство тутси, которое могло бы усилить поляризацию в армии, искусственно созданной для обеспечения «дружественной силы», чтобы помочь бурундийским «беженцам», которыми манипулируют руандийцы (тутси), если они решат вторгнуться в Бурунди. Как объясняет автор, Кагаме хотел соблазнить Нкурунзизу ликвидировать вооруженные силы по этническому признаку,

зная, что это почти наверняка спровоцирует возобновление гражданской войны, которая, вероятно, приведет к «новому геноциду» [5].

Территориальный спор из-за территории Сабанегвы также вызвал напряженность между Бурунди и Руандой. Отметим, что спор вокруг Сабанегвы не новое явление, он остается яблоком раздора для обеих сторон в течение нескольких лет. В октябре 2016 г. разрушение строящегося дома на этом холме руандийскими военными и гражданскими лицами привело к тому, что обе стороны сформировали совместную комиссию для решения этой проблемы. Необходимо подчеркнуть, что территориальные конфликты между соседними странами в Африке связаны с ошибками, допущенными во время разделения Африки, инициированного на Берлинской конференции в 1885 г., что не исключает манипуляций, особенно в политических целях. Таким образом, феномен Сабанегвы рассматривается как форма провокации, организованная Руандой. Впрочем, ВАС следует принимать более активное участие в обеспечении адекватного решения пограничных проблем между государствами-членами в интересах региональной стабильности и развития. По мнению постмодернистов, потенциал регионального развития направлен главным образом на создание единого планетарного пространства, состоящего из региональных образований, которые могут оформляться на территориях нескольких государств согласно культурно-историческим традициям местного населения. При этом основная функция политического развития в процессе формирования единого трансрегионального пространства состоит в разрешении такого рода противоречий, которые способствуют обострению межгосударственных и межнациональных отношений, а также в поиске новых, нетрадиционных подходов для решения неразрешимых ранее проблем, таких как территориальные споры, трудности в перемещении (людей, ресурсов), особый статус приграничных районов и т. п. [6. С. 66–67].

Следует также отметить, что такая позиция Руанды нарушает фундаментальный принцип добрососедства и мирного сосуществования Договора ВАС, в то время как статья 6 данного Договора предусматривает, что государства-члены соглашаются с тем, что «мир в регионе и безопасность являются предварительными условиями для социально-экономического развития сообщества и что они имеют решающее значение для достижения целей сообщества». При этом «государства соглашаются создавать и поддерживать климат, способствующий миру и безопасности, посредством сотрудничества и консультаций по вопросам, связанным с миром и безопасностью государств-членов, с целью предотвращения эффективного управления и разрешения споров и конфликтов между ними» (статья 124) [7].

Дипломатический кризис между Бурунди и Руандой менее беспокоит Кагаме, в то время как президент Нкурунзиза в его переписке, адресованной президенту Мусевени, показал свою готовность к диалогу с Руандой, тем самым предлагая ВАС срочно сосредоточиться на том, что он называет реальной проблемой, угрожающей миру и безопасности для своей страны. Он также высказал обеспокоенность по поводу бездействия данной организации

и выразил желание о созыве чрезвычайного саммита ВАС по бурундийско-руандийским вопросам с целью поиска в случае необходимости посредника.

Политический диалог, так желаемый президентом Бурунди, необходим, чтобы прийти к компромиссу для урегулирования дипломатического кризиса. Но, к сожалению, эта процедура сталкивается с трудностями при реализации, что объясняется, с одной стороны, исторически стабильными отношениями между Мусевени и Кагаме. Это было настолько трудно, что у президента Мусевени, несмотря на его мандат в качестве главы ВАС, хватило смелости потребовать от Кагаме диалога с Нкурунзизой, учитывая исторические отношения, которые связывают его с руандийским президентом. С другой стороны, невзирая на то, что он в настоящее время возглавляет ВАС, практически невозможно, чтобы руандийский президент стал посредником между ним и президентом Бурунди. Выход из этого дипломатического кризиса требует наднационального посредничества, а следовательно, и вовлечения Африканского союза. Качество посредника во всех конфликтах заключается в том, что он нейтрален и беспристрастен. Но этот политический диалог во многом зависит от политической воли лидеров. При этом пакт о ненападении [1], подписанный в эпоху монархии между королем Руанды Мутарой I и Бурунди Мутагой II, может служить примером для руандийской и бурундийской элит в целях поддержания добрососедских отношений и мирного сосуществования.

Кроме того, что эта ситуация между Руандой и Бурунди иногда затрудняет свободное перемещение людей и товаров внутри ВАС в результате закрытия границ, она также является угрозой региональной стабильности и развития. Но оказывается, что межрегиональные организации, например, Африканский союз (АС), Международная конференция по району Великих озер (МКРВО), а также ВАС менее обеспокоены этим вопросом. Роль перечисленных организаций значительна, что обусловлено многосторонним характером современной дипломатии и, соответственно, участием в обсуждении более чем двух сторон в силу процессов глобализации, влияющих на интересы обширного круга участников одновременно [8. С. 323]. Именно в рамках этой многосторонней дипломатии должен решаться вопрос политического диалога между Бурунди и Руандой с привлечением межрегиональных организаций субрегиона, в том числе ВАС.

Необходимость политического диалога

Политический диалог следует поощрять в интересах регионального развития и стабильности. Чтобы окончательно урегулировать противоречия, имеющиеся между ними, бурундийские и руандийские лидеры вынуждены налаживать диалог, несмотря на враждебные отношения, в которых они оказываются. Постмодернистский подход рассматривает противоречие между государствами как триггер, стимулирующий и инициирующий развитие региона. При этом российский исследователь В. Я. Феодоритов отмечает:

«Наличие противоречий означает наличие источника развития. Развитие преодолевает всякое конкретное противоречие, но не противоречие вообще. Всякое развитие несет в своем ядре две тенденции воспроизводства: воспроизводство – разрушение и воспроизводство – создание противоречий... в результате разрушения противоречий возникает импульс роста, в результате создания новых противоречий или диалектики старых воспроизводится потенциал роста. Единство противоречий, общность и столкновение парных категорий – важнейший принцип рождения и проведения политики» [6. С. 75].

Следует также отметить, что благодаря политическому диалогу Руанда и Бурунди могут прийти к соглашению и восстановить добрососедские отношения. В большинстве публикаций, где говорится о диалоге в международных отношениях (МО), приводится описанный выше взгляд на него как на *целенаправленное* конструктивное двустороннее, многостороннее *вербальное взаимодействие*, имеющее целью согласование позиций сторон, разрешение конфликтов, сближение цивилизаций, а то и просто поддержание контактов между государствами и их представителями. Таким образом, диалог в МО трактуется как *инструмент обеспечения мира и согласия между народами*, который следует применять как можно шире. «Политический диалог является своего рода практико-ориентированным видом диалога культур, способным на уровне консолидации интересов различных политических акторов сформировать стратегию и тактику гармоничного сосуществования» [9. С. 54].

В силу указанного выше Восточноафриканское сообщество как межрегиональная организация должно рассмотреть диалог как способ выхода из этого дипломатического кризиса между Бурунди и Руандой. Диалогичность МО наглядно проявляется в дипломатии, где «вызов» одной стороны в отношении другой (других) часто сопровождается более или менее быстрым и нередко ожидаемым, поскольку его формула закреплена в сложившейся международной практике, «отзывом» со стороны последней (последних). Когда, например, страна «А» высылает как *persona non grata* дипломатов страны «В», то практически незамедлительно следует симметричный ответ [9. С. 59]. Это заставляет нас подчеркнуть, что дипломатический инцидент, произошедший в октябре 2015 г., когда Дезире Ньярухирира, советник посольства Руанды в Бужумбуре, был объявлен «*persona non grata*» в результате обвинений со стороны правительства Бурунди во вмешательстве во внутренние дела государства, должен был немедленно привести две страны к диалогу, чего, к сожалению, не случилось.

Важно подчеркнуть, что отсутствие культуры диалога со стороны национальных и региональных лидеров является серьезным препятствием для национальной и региональной стабильности. В связи с этим российский исследователь Н. Зайцева указывает, что конфликтность современной истории во многом объясняется «дефицитом диалогичности» – свойства, умения субъектов взаимодействия «согласовывать свои интересы, обмениваясь ценностями своей культуры, своего видения ситуации и конструктивного решения общих проблем» [10. С. 44]. Автор делает вывод о том, что основным

принципом, на котором основывается политический диалог, является признание равенства и взаимного уважения участвующих в нем сторон. Таким образом, Руанда и Бурунди должны основываться на данном принципе, чтобы разрешить имеющиеся споры. Согласно Н. Зайцевой, «искажение конструктивного диалога приводит к политическому авантюризму и авторитаризму, так как нарушается главное требование диалога – нахождение согласованного решения, обеспечивающего преодоление конфликтов и трений в реализации политических интересов» [Там же]. Она выделяет несколько правил ведения конструктивного политического диалога, в частности грань открытости вопроса в диалоге, которую в герменевтике принято называть «горизонтом вопроса». Открытость политического вопроса никогда не бывает безграничной, здесь важно увидеть и проследить грань, его пределы, в противном случае вопрос может уйти в «пустоту», бесконечно далеко завести дискуссию. Следующее правило ведения политического диалога требует, чтобы участники следовали за мыслью друг друга, а не искали слабые стороны в ответах друг друга.

Н. Зайцева подтверждает идею И. Василенко о том, что искусство диалога не есть искусство выдвигать победоносные аргументы, опровергая всех и каждого, напротив, искусство вопрошания и искания истины часто оказывается искусством оценивать весомость чужого мнения. В диалоге нужно стремиться не понижать значение аргументов собеседника, а демонстрировать искусство мышления, усиливая сказанное, обращаясь к самому существу проблемы. Опираясь на идеи философа М. Бубера, Н. Зайцева утверждает, что каждый из партнеров в диалоге выступает как «особенный другой» – не как объект, а как партнер по политической ситуации. В этой плоскости «Я – Ты» образуется тонкое пространство «личного Я», которое требует наполнения «другим Я». М. Бубер назвал это пространство сферой «между». Категория «между» не является вспомогательной конструкцией в политическом диалоге. Напротив, именно здесь существует активное пространство для взаимной заинтересованности расширения базы взаимодействия партнеров, способ сближения полей доверия (позиций). В конструктивном диалоге каждый из партнеров, словно скульптор, творит общее политическое пространство «между» [10. С. 45].

По мнению Н. Зайцевой, следующее условие ведения конструктивного межгосударственного диалога во многом вытекает из предыдущих условий. Содержательный диалог возможен только при наличии ясного предмета взаимодействия, другими словами, у государств должна быть четкая ориентация на совместное решение конфликтных ситуаций. В противном случае диалог грозит превратиться в полемику, при которой участники часто стремятся монополизировать право на истину и тем самым одержать верх над оппонентом, заставить его изменить свою позицию или замолчать. В диалоге иногда видят способ воздействия на оппонента с целью изменения его позиций и даже политической культуры (характерная особенность диалога американских политиков в международных отношениях – желание убедить, даже принудить оппонента принять американский образ мышления). Следует также

подчеркнуть, что применимость концепции самореализации также позволит Руанде и Бурунди возобновить свои отношения. При этом Н. Зайцева на фоне объективной «миротворческой» роли политического диалога одной из основных его задач видит самореализацию партнеров. До сих пор в мировой политической практике только западная культура находила самореализацию, декларируя и осуществляя свои принципы и ценности, навязывая их остальным в качестве универсальных и общечеловеческих. В конструктивном политическом диалоге каждый участник становится посредником для другого в процессе самореализации [10. С. 45]. Кроме того, в случае напряженных отношений между государствами публичная дипломатия необходима и должна воплощать «soft power» для того, чтобы облегчить ситуацию.

Согласно Н. Зайцевой, в контексте анализа политического диалога как средства мирного существования нельзя не упомянуть его важный компонент – так называемую «soft power» – и ее неотъемлемый элемент – публичную дипломатию. Для этого автора задача публичной дипломатии заключается в привлечении на свою сторону общественности, в настоящее время тем или иным образом влияющей на внешнеполитический курс страны. При этом «публичная дипломатия в основном нацелена на открытый диалог, сопоставление позиций, создание благоприятного климата для развития международного взаимообмена» и, следовательно, на построение конструктивного политического диалога. Публичная дипломатия как неотъемлемая часть «мягкой силы» включает в себя широкий спектр действий, направленных на строительство долгосрочных конструктивных отношений с другими государствами, защиту целей национальной внешней политики и правильного понимания общественностью других государств ценностей и институтов собственного государства. Она в первую очередь нацелена на расширение диалога между гражданами своей страны и зарубежными партнерами, недопущение и мирное разрешение конфликтных ситуаций в стране и за рубежом [10. С. 45–46].

Более того, применяя теорию справедливости Джона Роулса к дипломатическому диалогу, можно сказать, что носить «вуаль неведения» необходимо для ведения успешного диалога между Бурунди и Руандой и поиска консенсуса. Теория Роулса предполагает, что участники договора не должны знать, какое место в обществе они занимают [11. С. 307]. Это означает, что руандийские и бурундийские лидеры как субъекты политического диалога должны быть сдержанными и скромными независимо от занимаемой ими в регионе позиции. Согласно автору, такое незнание гарантирует беспристрастность и лишает их возможности принимать решения из эгоистических, а не общих соображений. «Вуаль неведения» исключает информацию об их принадлежности к социальному классу, занимаемой должности, профессии, об их состоянии, таланте, уме, физической силе, здоровье, о природе существующего общества и индивидуальной концепции блага. Более того, участники договора действуют подобно тому, как если бы их враги определяли их место в будущей общественной иерархии. Заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России М. Лебедева

также считает, что дипломатический диалог предполагает признание того, что у другой стороны есть собственные интересы и цели. Это является не только естественным и закономерным, но и продуктивным фактором с точки зрения развития отношений. Отсюда главным в коммуникативно-информационной функции оказывается не директивное навязывание собственной точки зрения, а стремление через диалог искать взаимоприемлемое решение проблемы. Кроме того, с точки зрения концепции жесткого *торга*, когда каждый участник заботится только о собственных интересах и подает свою позицию как крайне закрытую, приходит концепция совместного с партнером анализа проблемы. Она предполагает ориентацию на взаимное удовлетворение интересов и достаточно открытый характер переговоров [8. С. 328]. Итак, следует подчеркнуть, что успешный политический диалог должен быть дистанцирован от какой-либо субъективности.

Выводы

В заключение отметим, что лучшим способом найти соглашение между государствами в случае дипломатического кризиса является политический диалог, выступающий ответом на вызовы внешней политики государств, а также основой для обеспечения безопасности, политической и социально-экономической стабильности. Для этого региональные лидеры призваны развивать культуру диалога, способ предотвращения и разрешения конфликтов. Региональные организации, особенно ВАС, должны быть более активными, чтобы привлечь Бурунди и Руанду к диалогу. Эффективный политический диалог является хорошим инструментом для смягчения напряженных отношений между двумя государствами. Конструктивный диалог позволит гармонизировать дипломатические отношения между Бужумбурой и Кигали. Кроме того, это действенный способ достичь компромисса и сблизить население двух стран, разделенных в результате дипломатического кризиса, в то время как они должны пользоваться преимуществами региональной интеграции, предполагающей в том числе свободное движение.

Библиографический список

- [1] Burundi et Rwanda: Hier et aujourd'hui. Une contribution à l'histoire socio-politique de la région des grands lacs africains. Режим доступа: <http://www.fdu-rwanda.com/wp-content/uploads/2019/01/PDF-1.pdf>. Дата обращения: 16.05.2019.
- [2] *Birantamije G.* Crise politique au Burundi: vers des forces de sécurité (re) politisées après une décennie de «success story» // *Conjonctures de l'Afrique centrale* 2018. 19 p.
- [3] Agence France-Presse NATIONS UNIES, Le Rwanda entraîne des réfugiés pour renverser le président burundais. Режим доступа: <https://www.lapresse.ca/international/afrique/201602/04/01-4947468-le-rwanda-entraîne-des-refugiés-pour-renverser-le-president-burundais.php>. Дата обращения: 21.11.2018.
- [4] *Сидорова Г.М.* Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. М.: Институт Африки РАН, 2013. 399 с.
- [5] *Korybko A.* Guerre hybride: Géopolitique des Grands Lacs. Режим доступа: <https://www.mondialisation.ca/guerre-hybride-geopolitique-des-grands-lacs/5573258>. Дата обращения: 21.11.2018.

- [6] Косов Ю.В., Фокина В.В. Политическая регионалистика: краткий курс. СПб.: Питер, 2009. 192 с.
- [7] Traité pour l'établissement de la Communauté d'Afrique de l'Est (tel que modifié en date du 14 décembre 2006 et du 20 août 2007). Режим доступа: https://www.obr.bi/images/stories/download/Traite_EAC.pdf. Дата обращения: 18.01.2019.
- [8] Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
- [9] Баталов Э.Я. Международные отношения как антропологический диалог // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Сер.: Российская политическая наука: Истоки и перспективы. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 50–66.
- [10] Зайцева Н.В. Политический диалог как основа внешней политики (на примере современных российско-германских отношений) // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 43–50.
- [11] Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2018. 623 с.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 14.10.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

Research article

Rwanda – Burundi: Political Dialogue as a Method of Achieving Agreement

A. Ndayisaba

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the problem associated with the deterioration of relations between Rwanda and Burundi, which, according to various resources, are due to Rwanda's interference in the internal affairs of Burundi. Special attention is paid to the role of political dialogue in the search for agreement between the two states. Thus, relations deteriorated further after the Bujumbura regime accused Rwanda of involvement in destabilizing the Bujumbura regime as a result of an attempt to support and arm Burundian refugees fleeing Burundi after the failed coup on May 13, 2015, committed against Burundi's President Pierre Nkurunziza. Rwanda also accuses Burundi of supporting the Democratic Forces for the Liberation of Rwanda (FDLR). This diplomatic crisis requires a regional effort to bring both countries to the negotiating table. In this way, the role of interregional organizations, especially the East African Community (EAC), is more significant in order to encourage both countries to engage in dialogue, taking into account that current diplomacy requires multilateralism to discuss and solve the problem. Political dialogue will help relieve tensions and remedy the situation. However, historical, cultural and linguistic rapprochement, are the basic prerequisites that allow both countries to come to their senses and coexist peacefully. The current situation between Burundi and Rwanda is a time bomb, which poses a threat to the security, political and socio-economic stability of the entire Great Lacs region of Africa. For this, regional communities must ensure that Member States respect the principle of good neighborliness and peaceful coexistence, all in the interest of preventing the risk of any conflict and ensuring geopolitical stability.

Key words: Burundi, Rwanda, Pierre Nkurenziza, Paul Kagame, political dialogue, agreement, good neighborly relations, peaceful coexistence

References

- [1] *Burundi et Rwanda: Hier et aujourd'hui. Une contribution à l'histoire socio-politique de la région des grands lacs africains*. Available from: <http://www.fdu-rwanda.com/wp-content/uploads/2019/01/PDF-1.pdf>. Accessed: 16.05.2019 (In Fr.).
- [2] Birantamije G. Crise politique au Burundi: vers des forces de sécurité (re) politisées après une décennie de «success story». *Conjonctures de l'Afrique centrale*. 2018. 19 p. (In Fr.).
- [3] Agence France-Presse *NATIONS UNIES, Le Rwanda entraîne des réfugiés pour renverser le président burundais*. Available from: <https://www.lapresse.ca/international/afrique/201602/04/01-4947468-le-rwanda-entraîne-des-refugiés-pour-renverser-le-president-burundais.php>. Accessed: 21.11.2018 (In Fr.).
- [4] Sidorova G.M. *Armed Conflicts in Africa on the Example of the Democratic Republic of Congo*. Moscow: Institute of Africa; RAS; 2013. 399 p. (In Russ.).
- [5] Korybko A. *Guerre hybride: Géopolitique des Grands Lacs*. Available from: <https://www.mondialisation.ca/guerre-hybride-geopolitique-des-grands-lacs/5573258>. Accessed: 21.11.2018 (In Fr.).
- [6] Kosov Yu.V., Fokina V.V. *Political Regionalism: A Short Course*. SPb.: Peter; 2009. 192 p. (In Russ.).
- [7] *Traité pour l'établissement de la Communauté d'Afrique de l'Est* (tel que modifié en date du 14 décembre 2006 et du 20 août 2007). Available from: https://www.obr.bi/images/stories/download/Traite_EAC.pdf. Accessed: 18.01.2019 (In Fr.).
- [8] Lebedeva M.M. *World Politics: textbook for universities*. 2nd Ed., ISPR. Moscow: Aspect Press; 2007. 365 p. (In Russ.).
- [9] Batalov E.Ya. International Relations as an Anthropological Dialogue. *Political Science before the Challenges of Global and Regional Development. Series "Russian Political Science: Origins and Prospects"*. Moscow: Aspect Press; 2016: 50–66 (In Russ.).
- [10] Zaitseva N.V. Political Dialogue as the Basis of Foreign Policy (on the Example of Contemporary Russian-German Relations). *Vestnik of MGIMO University*. 2014; 3 (36): 43–50 (In Russ.).
- [11] Alekseeva T.A. *Modern Political Thought (XX–XXI Centuries): Political Theory and International Relations*. Moscow: Aspect Press; 2018. 623 p. (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 14.10.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Ндайисаба Огюстин – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-3196-4358) (e-mail: andayisaba51@gmail.com).

Information about the author:

Ndayisaba Augustin – Post-Graduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3196-4358) (e-mail: andayisaba51@gmail.com).

Для цитирования:

Ндайисаба О. Руанда – Бурунди: политический диалог как способ достижения соглашения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 105–115. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115

For citation:

Ndayisaba A. Rwanda – Burundi: Political Dialogue as a Method of Achieving Agreement. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 105–115. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-105-115